

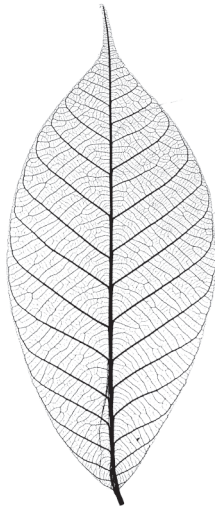
Те, кто созерцают красоту земли, находят запасы сил, которых хватит до конца самой жизни.

Рэйчел Карсон

Следственно, надо признать, что подобным же образом небо, Солнце, луна и земля, и моря, и все прочие вещи не одиноки, но их даже больше, чем можно исчислить.

*Лукреций. О природе вещей*¹

¹ Перевод Ф. Петровского. — *Здесь и далее прим.пер.*

— *Значит, мы можем их никогда не обнаружить?*

Осенняя ночь была ясной. Мы установили телескоп на террасе домика, расположенного на краю одного из последних темных пятен в восточной части США. Отыскать такую хорошую, концентрированную темноту непросто, и от нее небо сияет. Мы направили трубу в просвет между деревьями над арендованным жилищем. Робин — мой почти девятилетний, грустный и одинокий ребенок, не способный принять этот мир таким, какой он есть, — оторвал взгляд от окуляра.

— Совершенно верно. Мы можем никогда их не обнаружить.

Я всегда старался говорить ему правду, если сам ее знал и если это не таило в себе смертельную опасность. В любом случае он чувствовал мою ложь.

— *Но они же повсюду, верно? Твои грузы это доказали.*

— Ну, «доказали» — сильно сказано.

— *Может, они просто очень далеко. В космосе чересчур много пустоты, ну, ты в курсе.*

Он начал размахивать руками, как делал всякий раз, когда его подводили слова. От того, что приближалось время сна, легче не стало. Я положил руку на его непокорную каштановую шевелюру. Цвет волос был такой же, как у нее... как у моей Али.

— *А если мы так и не услышим оттуда ни звука? Что тогда?*

Робин поднял руку. Алисса говорила: когда он сосредоточен, можно услышать, как внутри что-то жужжит. Мой сын прищурился, устремил взгляд на высокие деревья, которые вздымались над домиком, словно стены ущелья. Другой рукой потирал ямочку на подбородке — эта привычка свидетельствовала о том, что он напряженно думает. Он тер с такой силой, что мне пришлось остановить его.

— Робби. Эй! Приземляйся.

Он вскинул ладонь: все в порядке. Ему просто хотелось еще минуту поиграть в догонялки с вопросом в ночной тьме, пока была такая возможность.

— *Получается, мы до сих пор не слышали вообще ничегошеньки?*

Я ободряюще кивнул своему ученому, дескать, давай не будем спешить с выводами. С созерцанием звезд на сегодня было покончено. Нам достался поразительно безоблачный вечер в месте, известном своей дождливостью. На горизонте повисла Луна Охотника, пузатая и красная. В кольце древесных крон — таком отчетливом, что хоть руками трогай, — виднелся Млечный Путь, словно неисчислимая россыпь самородков на черном дне ручья. Если замереть, то казалось, что звезды кружатся.

— *Мы не слышали ничего конкретного. В этом вся проблема.*

Я рассмеялся. В хорошие дни он заставлял меня смеяться, иногда несколько раз. Такой дерзкий. Полный радикального скептицизма. Совсем как я. Совсем как она.

— Нет, — согласился я. — Ничего конкретного.

— *А вот если мы услышим хоть что-то... Это будет ого-го как важно!*

— Да уж, точно.

В другой раз найдется время, чтобы объяснить эту важность. А сейчас пришла пора спать. Он прижался глазом к объективу телескопа, чтобы еще разок взглянуть на сияющее ядро галактики Андромеда.

— *Папа, а давай сегодня поспим снаружи?*

Я забрал его из школы на неделю и привез в лес. Опять начались проблемы с одноклассниками, и нам понадобился тайм-аут. Здесь, в Больших Дымчатых горах, я не мог отказать ему в ночлеге под открытым небом.

Мы вернулись в дом, чтобы подготовиться к ночной экспедиции. На первом этаже была одна большая обшитая панелями комната, пропахшая сосной с легкой примесью бекона. На кухне разило отсыревшими полотенцами и штукатуркой — это были ароматы умеренного дождевого леса. На шкафчиках висели листочки для заметок: «Фильтры для кофе над холодильником», «Используйте другие тарелки, пожалуйста!». На потертом дубовом столе лежала раскрытая зеленая папка с инструкциями: капризы сантехники, распределительный щит, номера экстренных служб. Каждый выключатель в доме был помечен: «Верхний этаж», «Лестница», «Прихожая», «Кухня».

За высокими, от пола до потолка, окнами утром появится бескрайний простор, где горы встают за горами. По бокам от сложенного из плитняка камина расположилась пара мягких диванов в деревенском стиле, с рисунком на обивке в виде процессии лосей, каноэ и медведей. Мы собрали подушки, как войско собирает дань, выволокли их наружу и разложили на террасе.

— *Закуски возьмем?*

— Плохая идея, дружище. *Ursus americanus*. Их по два на квадратную милю, и они чуют арахис даже в Северной Каролине.

— *Не может быть!* — Робин вскинул палец. — *Однако я кое-что вспомнил!*

Он снова забежал внутрь и вернулся с небольшой книгой в мягкой обложке: «Млекопитающие Дымчатых гор».

— Ты серьезно, Робби? Здесь же тьма — хоть глаз выколи.

Робин продемонстрировал мне аварийный фонарик — из тех, которые заряжают с помощью ручки. Еще утром, когда мы только приехали, штуковина его очаровала, и он потребовал объяснить, как работает магия. Теперь сын создавал электроны по поводу и без.

Мы устроились поудобнее в нашем импровизированном лагере. Робин казался счастливым, в чем и заключалась цель этой необычной поездки. Лежа под одеялом на прогибающихся досках террасы, мы вдвоем произнесли вслух старую светскую молитву его матери и заснули в свете четырехсот миллиардов звезд, составляющих нашу галактику.

Я никогда не верил диагнозам, которые врачи ставили Робину. Когда недуг получает три разных наименования на протяжении стольких же десятилетий, когда требуется две подкатегории для учета несовместимых симптомов, когда за одно поколение он превращается из несуществующего в наиболее часто диагностируемое детское расстройство в стране, когда два разных врача хотят назначить три разных лекарства — все это говорит о том, что дела идут не очень.

Мой мальчик не всегда хорошо спал. Он мочился в постель несколько раз за сезон, а потом горбился от стыда. Громкие звуки выбивали его из колеи; он так приглушал телевизор, что я почти ничего не слышал. Он ненавидел, когда тряпичная обезьянка в прачечной не сидела на своем насесте, торчащем над стиральной машиной. Он потратил карманные деньги до последнего доллара на игру с коллекционными карточками — «Собери их все!» — но хранил добычу нетронутой в особой папке с пластиковыми карманчиками, разложив по возрастанию порядковых номеров.

Он чувствовал, если кто-то пустил ветры на противоположном конце переполненного кинозала. Мог часами изучать «Минералы Невады» или «Королей и королев Англии» — главное, чтобы это были таблицы. Постоянно рисовал, хорошо прорабатывая мелкие детали, которые я

упускал из виду. Целый год изображал замысловатые здания и машины. Потом переключился на животных и растения.

Его речи были ошеломляющими и загадочными для всех, кроме меня. Он мог цитировать наизусть целые сцены из фильмов после первого же просмотра. Бесконечно пересказывал воспоминания, с каждым повторением деталей становясь счастливее. Дочитав понравившуюся книгу, немедленно возвращался к первой странице. Мог устроить катаклизм на ровном месте, вспылить без повода. Но радость завладевала им так же легко.

У нас бывали сложные ночи, и Робин ложился спать со мной: всегда на стороне кровати, самой дальней от окна, за которым таились бесчисленные ужасы. (Его мать тоже неизменно выбирала безопасную сторону.) Он грезил наяву, срывал сроки и отказывался сосредотачиваться на неинтересных вещах. Но никогда не ерзал, не метался и не тараторил без остановки. Если занятие ему нравилось, он часами сидел неподвижно. Скажите, какой дефицит мог все это описать? Какой синдром объяснял его особенности?

Версий было множество, включая недуги, связанные с токсинами, которые миллионами фунтов ежегодно попадали во все виды продовольствия в стране. Второй педиатр стремился подыскать наиболее подходящее для Робина «расстройство из, сами понимаете, какого спектра». Мне хотелось объяснить этому человеку, что все живые существа на этой счастливой планете так или иначе относятся к спектру. В этом его суть. Я чуть было не ляпнул, что жизнь как таковая — спектральное расстройство, бесконечная радуга, где каждый вибрирует на особенной частоте. А потом я возжелал ему врезать. Наверное, для этого тоже есть какой-нибудь термин.

А вот для навязчивого стремления ставить людям диагнозы в DSM¹ названия не найти. Странно.

Когда руководство школы на два дня отстранило Робина от занятий и привлекло к делу собственных врачей, я почувствовал себя последним динозавром. Ну о чем мне разговаривать с этими людьми? Синтетическая одежда вызывала у сына ужасную экзему. Одноклассники донимали его за то, что он не принимал участия в их злобных сплетнях. Мать погибла в аварии, когда ему было семь. Любимый пес умер от тоски несколько месяцев спустя. Разве найдется врач, который скажет, что этих причин недостаточно для беспокойного поведения?

Наблюдая, как медицина терпит неудачу в том, что касалось моего ребенка, я сформулировал безумную теорию: хватит исправлять живое. Мой мальчик был карманной вселенной, которую я не надеялся когда-нибудь постичь. Каждый из нас — эксперимент, и мы даже не знаем, какова его цель.

Жена нашла бы с врачами общий язык. *«Никто не идеален, — любила она повторять. — Но, боже мой, до чего прекрасны наши изъяны!»*

¹ Диагностическое и статистическое руководство по психическим болезням, разработанное и опубликованное Американской психиатрической ассоциацией.

Будучи мальчишкой, Робин очень хотел увидеть Вегас-для-Хиллбилли. Три города, сросшихся в один, и двести мест, где можно заказать блины: разве можно такое не полюбить?

Мы покинули наш арендованный домик и проехали семнадцать миль по извилистой дороге вдоль поразительной реки. На это ушел почти час. Робин смотрел на воду с заднего сиденья, изучая быстрины. Это была его новая любимая игра: бинго дикой природы.

— *Длинноногая птица!* — вскричал мой сын.

— Как называется?

Он пролистал свой определитель. Я начал опасаться, как бы его не укачало в машине.

— *Кажется, цапля...*

Робин снова повернулся к реке, а через полюдюжины поворотов опять:

— *Лиса! Лиса! Папа, я видел лису!*

— Серую или рыжую?

— *Серую. Ух, какая!*

— Серая лисица может забраться на дерево, если захочет полакомиться плодами хурмы.

— *Врешь.* — Робин отыскал нужную страницу в «Млекопитающих Дымчатых гор». Книга подтвердила мою правоту. Он застонал и стукнул меня по плечу. — *Слушай, ну откуда ты все это знаешь?*

Я оставался на шаг впереди, поскольку совал нос в его книги до того, как он просыпался.

— Эй, ну я же биолог. Забыл?

— *Астро... би... олух.*

Он ухмыльнулся, проверяя, насколько ужасную черту перешел. Я разинул рот, в равной степени ошеломленный и обрадованный. У Робина были проблемы с гневом, однако он крайне редко опускался до низостей. А мне всегда казалось, что крупица подлости пошла бы ему во благо.

— Ого, мистер. Лишаю тебя каникул до конца восьмого года жизни на Земле.

Ухмыльнувшись шире, он снова начал разглядывать реку. Мы проехали еще милю по извилистой горной дороге, и Робин положил руку мне на плечо.

— *Папа, я просто пошутил.*

Я ответил, не сводя глаз с дороги:

— Я тоже.

В «Музее диковинок Рипли» пришлось отстоять очередь. Это место его нервировало. Ровесники Робина бегали повсюду, творя импровизированный хаос. От их криков сын морщился. Через тридцать минут в «Комнате страха» стал упрашивать меня уйти. С аквариумом вышло лучше, хоть понравившийся ему скат и не пожелал позировать для портрета.

Пообедав картошкой фри с луковыми кольцами, мы поднялись в лифте на «Небесную платформу». Робина чуть не вырвало прямо на стеклянный пол. Стиснув зубы и сжав побелевшие кулаки, он заявил, что зрелище просто фантастическое. Вернувшись в машину, Робин как будто вздохнул с облегчением от того, что Гатлинбург остался позади.

Он был задумчив по дороге обратно в хижину.

— *Сомневаюсь, что мама назвала бы это место лучшим на всей планете.*